

К.С. Васильцов

ПО ДОРОГАМ УЗБЕКИСТАНА: ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК 2012 г.

В СЕРДЦЕ ДРЕВНЕЙ БАКТРИИ

После месяца полевых работ в Таджикистане мы, несколько скорректировав наши первоначальные планы, отправились в Узбекистан, где намеревались посетить основные историко-культурные центры республики — Термез, Самарканд, Бухару, Хиву, Гиждуван. Еще накануне отъезда из Душанбе было заметно, что Рахмат испытывает некоторое волнение и тревогу, с которыми у него всегда сопряжены поездки в Узбекистан. К переходу границы мы подготовились заранее — отправили все приобретенные в Таджикистане книги (а их набралось немало; среди них, кстати, была и известная работа академика Р. Масова «История топорного разделения», носящая откровенно антиузбекский характер), чтобы не возникло лишних вопросов у узбекских таможенников и пограничников, которые обыкновенно проявляют особое усердие при досмотре печатной продукции, особенно ввозимой из соседнего государства. Таджикскую границу мы пересекли в районе Регара. Пока стояли в очереди на узбекском таможенном пункте Сари Осийё, Рахмат вспомнил случай, произошедший несколько дней назад в Душанбе, когда мы из любопытства заглянули в одну небольшую лавку, торгующую антиквариатом. Внимание Рахмата привлек медный кувшин (*куза*) довольно изящной работы. Рахмат поинтересовался у продавца: *Ин куза аз куджо? — Аз Тоджикистон. — Ва аз Тоджикистон аз куджо? — Аз Самарканд! («Этот кувшин откуда? — Из Таджикистана. — А из Таджикистана откуда? — Из Самарканда!»)*. В беседах с таджиками часто приходится слышать, что «мы никогда не смирятся с потерей наших таджикских городов — Самарканда и Бухары», но, как всегда в таких случаях, Рахмат, для которого эта тема особенно близка, ибо он сам себя называет самаркандским, качает головой: что теперь можно поделывать...

К счастью, опасения наши оказались напрасными, и все обошлось без приключений. Разве что при прохождении паспортного контроля офицер пограничной службы, разглядывая паспорт Рахмата, с удивлением спросил: «Вы что — узбек?» — «Нет, я таджик». — «Хм, странно. А имя-то узбекское!»

После прохождения таможенного досмотра и паспортного контроля взяли по договоренности такси и отправились в Термез — в самое сердце легендарной страны Бактрии, давшей миру великолепные памятники культуры и религии. Машина — местного производства, «Нексия», выпускается по

южнокорейской лицензии. Тут бросается в глаза одна особенность: в РУз, в отличие от РТ, на иномарках ездит только элита, остальное население — на легковушках местного производства. Из-за рубежа провозить нельзя. Поэтому покупай только свое. Вот и ездят узбекистанцы на «Нексиях». Конечно, для дальней дороги она очень неудобная. Но другой нет. У нас впереди (до Термеза) более 450 км пути. Пообедали в городе Карши. В Термез приехали, когда уже было темно. В гостинице «Улугбек» мест не оказалось. Зато в соседней, «Шарк», словно ждали нас. Хотелось есть, но поиски заведения общественного питания потребовали достаточно долгого времени и увели нас, проголодавшихся, достаточно далеко от гостиницы. Не в пример Худжанду, где подобные заведения встречаются, как говорится, на каждом шагу, Термез оказался на них бедноват. Здесь нужно сначала хорошо поесть, чтобы потом отправиться на поиски кафе или ресторана. Создалось такое впечатление, что в этом городе едят в основном дома.

Следующий день было решено посвятить знакомству с городом. Сначала мы посетили книжный магазин, где Рахмат приобрел прекрасно изданную книгу «Термез», оказавшуюся замечательным источником по объектам, которые нам удалось посетить. Изобилие фактического материала, приведенного в «Термезе», освобождает нас от детализации информации, касающейся планировки шедевров архитектуры, конструктивных и декоративных приемов и вообще всего архитектурного облика памятников, которые посетила экспедиция.

После книжного магазина мы отправились в Музей археологии. Он превзошел все наши ожидания. Музей, созданный в 2005 г., располагает 80 тыс. единицами хранения, из которых 60 тыс. представляют собой объекты, извлеченные из культурных слоев, остальная часть отражает этнографические реалии. Экспозиция музея построена таким образом, что безмолвные археологические памятники, извлеченные из напластований культурных слоев, предстают перед взорами посетителя как подлинные документы истории, свидетельствующие о непрерывной смене времен, о следующей одна за другой длительной череде индоиранской (арийской), иранской, эллинистической, индубуддийской, мусульманской и тюркской цивилизаций, сопровождавшейся сменой образов, символов, религиозной ориентации населения в центре Евразии, в частности в треугольнике между Сурхандарьей и Амударьей [Ртвеладзе 2001: 9].

Историю Термеза невозможно понять, если не учитывать его расположение на берегу Амударьи — величайшей водной артерии Центральной Азии, берущей начало у ледников Памира и несущей свои воды в Аральское море. Стоит посмотреть на всемирно известный памятник культовой архитектуры Тахти Сангин, раскопанный археологами на Вахше — одном из притоков Амударьи (юг РТ), на городище Старый Термез, забравшись на стену цитадели, откуда открывается вид на полноводную Амударью, или вспомнить легендар-



Рис. 1. Усыпальница Хакима ат-Термези. Фото автора. 2012 г.

ный Хорезм (Средняя Амударья), как отмечает Э. Ртвеладзе, освященный великой благодатью Пророка Зороастризма [Там же]. Здесь становятся очевидными роль и значимость этой реки в истории цивилизации Центральной Азии. В этом отношении Амударья вполне сопоставима с Нилом, сыгравшим столь значительную роль в становлении и развитии Древнего Египта.

У цитадели средневекового Термеза находится усыпальница Хакима ат-Термези (ум. 255 г.х. / 869) (рис. 1). Известный богослов, автор многочисленных трудов мистико-философского характера, Ат-Термези считается духовным покровителем Термеза. В настоящем виде мемориальный ансамбль включает мавзолей, мечеть и странноприимный дом (*ханака*). Комплекс замечательным образом сочетает свое традиционное назначение — служить местом паломничества и поклонения могиле святого — и выполнение рекреационной функции, являясь местом досуга и времяпрепровождения посетителей. Этому во многом способствуют его расположение внутри цитадели, архитектурный облик зданий, элементы их декора, а также прекрасная зеленая зона, представляющая собой довольно большой парк.

После ат-Термези удалось познакомиться с тремя памятниками архитектуры средневекового Термеза: Кырк-Кыз, Кокилдор и Султан Са‘адат.

Кырк-Кыз, который стал вторым, после ат-Термези, объектом посещения участников экспедиции, представляет собой руины некогда величественного



Рис. 2. Кырк-кыз. Фото автора. 2012 г.

сырцового сооружения (рис. 2). Название *Кырк-Кыз*, очевидно, является калькой с восточноиранского (таджикского) *Чилдухтарон* («Сорок праведных девушек»). Объект находится в 3 км от городища Старый Термез. Установлено, что Кырк-Кыз сооружен в XIV–XV вв. До сих пор исследователи гадают, каково в действительности было функциональное предназначение памятника. Одни ученые склонны предполагать, что комплекс представлял собой дворец, караван-сарай или монастырь, другие трактуют его как ханака, третьи называют его загородной усадьбой [Термез 2001: 44]. Фольклорная традиция связывает его с некой царицей Гулоим, которая со своими сорока подругами отбивала набег кочевников (ср. традиционные представления о преследовании праведных девушек кафирами).

Водитель такси, этнический туркмен, который вез нас к этому объекту, сказал, что Кырк-Кыз связан с женским медресе (как известно, медресе на Востоке имели монастырский характер), в который всякий раз принималась группа из сорока девушек. На них и напали кочевники. На наш вопрос, откуда это ему известно, он ответил, что слышал об этом от разных стариков. Говоря о множестве камер в квадратном в плане (ок. 54 м в стороне) сырцовом сооружении, он сказал, что они служили кельями (*худжра*) учащихся медресе. Со слов таксиста можно предположить, что Гулоим была основателем медресе (монастыря) Кырк-Кыз. В одной из камер мы увидели небольшой кустарник,

увешанный разноцветными лоскутками материй. Как известно, на Востоке это широко распространенная практика. Она характеризует специфику женского паломничества (*зийарат*).

После Кырк-Кыза участники экспедиции отправились в мемориальный комплекс *Кокильдор-ата* (или просто *Кокильдор*). Этот памятник XVI в. исследователями трактуется как ханака-мавзолей. Весьма вероятно, что Кокильдор-ата — не историческая личность, а персонифицированное название святого места, где издревле проводился ритуал пострижения чуба/хохолка на голове ребенка. Как известно, в оседлой среде Центральной Азии существовал обычай, когда некоторые родители давали обет отращивать чуб у ребенка до определенного возраста (часто — до годовалого), а затем ритуально состригать его дома (в этом случае приглашался авторитетный в области мусульманской общины человек, который и выполнял эту процедуру) или на мазаре, опять же при участии знатока обрядовой практики. Церемония сопровождалась жертвенным угощением и подношением подарков исполнителю ритуала. Все это обозначалось словом *назр*. Вероятно, название данного мазара связано с ныне уходящим обычаем *кокулгирон* (пострижение чуба на голове ребенка).

Последним объектом мусульманской культовой архитектуры на нашем пути стал ансамбль Султан Са'адат, формировавшийся на протяжении X–XVII вв. у могил термезских *сайид*'ов (потомки пророка Мухаммада). Он представляет собой ряд культовых сооружений — мавзолеи (их три), мечеть и ханака, располагающихся по периметру двора. Сайиды, потомки пророка Мухаммада, играли большую роль в общественно-политической жизни Термеза.

На этом участники экспедиции завершили знакомство с памятниками гражданской (Кырк-Кыз) и культовой архитектуры мусульманского Средневековья, а также буддизма (Файзтепа) в Термезе. Если абстрагироваться от ансамбля ат-Термези, который посещают многочисленные паломники или люди, проводящие свой досуг, то остальные объекты, которые нам удалось посетить, кажутся брошенными. Не видно, чтобы при них были смотрители или служители культа. Также не видно, чтобы к ним шли паломники. Двери к мавзолеям настежь открыты. Все это говорит о том, что для содержания смотрителей или служителей культа отмеченные мемориально-культовые ансамбли не располагают необходимыми ресурсами.

Знакомство с некоторыми шедеврами мусульманского культового зодчества в Термезе убеждает в справедливости существующей точки зрения, что — по многим индивидуальным чертам своего облика — в ряду древних и средневековых архитектурных памятников Центральной Азии им принадлежит особое место. Следует, по всей видимости, признать справедливым и мнение, согласно которому памятники Термеза с точки зрения архитектуры были близки иранской (хорасанской) традиции, чему способствовали географическая близость и историческая общность этого историко-культурного региона с термезским оазисом.



Рис. 3. Буддийский монастырь Файазтепа. Фото автора. 2012 г.

Монастырь Файазтепа (рис. 3) свидетельствует о значительной роли, которую сыграл буддизм в формировании идеологии населения Центральной Азии, в частности Термеза как одного из самых крупных центров буддизма в регионе. Мавзолей Файазтепа отличается от уникального, по мнению специалистов, буддийского памятника в Каратепе (городище Старый Термез), вошедшего в науку как буддийский культовый центр. Каратепинские сооружения являются пещерными. По мнению исследователей, монастырь на холме Файазтепа был возведен в середине — второй половине I в. до н.э. Размеры прямоугольника — 117×34 м. Структура трехчастная: храмовая часть (с центральным двором), монастырская (с востока) и хозяйственная (с запада) части. Согласно источникам, «с южной стороны за пределами монастырских стен, напротив храмовой части, располагалась ступа», позднее застроенная футляром [Мкртычев 2001: 56].

В этот день мы также планировали посещение Свято-Никольской церкви, оставшейся со времен присоединения Центральной Азии к России. Но было уже поздно. Когда мы подошли к церкви, то обнаружили ее двери закрытыми. Встал вопрос о вечерней трапезе. Решено было продолжить движение в надежде на то, что судьба приведет нас куда-нибудь, где можно поесть на сон грядущий. После долгих хождений по городу было решено взять такси — расчет оказался верным: проехав буквально пять минут, водитель остановился напротив ресторана...

ПО ПУТИ В БУХАРУ: МУЗЕЙ В ДУПЛЕ ПЛАТАНА

На следующий день рано утром мы выехали в Бухару, которая славится как «сила ислама и религии» (*Бухоро қуввати ислому дин аст*). Водитель был тот же, что вез нас от границы в Термез. Рассказывая о нашем пути до конечной цели, он сказал, что мы будем проезжать город Карши; среди прочих мест он назвал селение Сайроб на р. Шерабад (Сурхандарьинская область). Рахмат попросил водителя ненадолго остановиться в этом селении. Дело в том, что в одном из дореволюционных источников (кажется, у Д.Н. Логофета) ему попало упоминание о могучем платановом дереве, росшем в этом селении. Дупло платана до установления советской власти использовалось местными жителями как школьное (*мактаб*) помещение, а после служило сельсоветом (*джама'ат*). Рахмат использовал эти сведения в одной из своих публикаций, ссылаясь, впрочем, на анонимные источники. Теперь же у нас появилась возможность увидеть этот объект своими глазами. После двух часов пути наша машина остановилась в тени громадного платана у небольшого базара, расположенного на краю проезжей части дороги. Водитель сказал: «Вот он, ожидаемый Вами Сайроб!» Оказалось, что в действительности здесь не один платан, а два и они гигантские. По рассказам местных жителей, диаметр ствола одного из них — 19 м, второго — 21 м; установлено, что возраст второго — около 950 лет. Двери в дуплах деревьев двусторчатые. На одной двери висел замок. Дупло в стволе другого платана было открыто. Там теперь располагается небольшой музей. Как выяснилось позже, во втором чинаре также находится музей, однако человек, который заведует ими, к нашему сожалению, куда-то уехал. Рядом с первым платаном висит большой щит, на котором на русском и английском языках кратко приводятся сведения об этих платанах. Говорится, например, о том, что некогда они служили штабом группы советских войск.

Сайроб — таджикоязычное селение. Его достопримечательностью наряду с описанными чинарами является большой родник, в котором плавают рыбы (*маринки*). Местные жители рассказали нам, что родник целебный. Люди с плохим зрением, подойдя к роднику, подолгу смотрят на плавающих рыб. Такая несложная процедура якобы удаляет желтизну глаз, отчего зрение улучшается. Трудно сказать, насколько это достоверно, однако продавщицы на рынке сказали, что благодаря роднику в Сайробе нет людей, у которых бы были проблемы со зрением. Отсутствие, по рассказам собеседников, среди местных жителей заболеваний печени также связывается с эффектом маринки в прозрачных родниковых водах Сайроба. Родник почитаем. Он именуется восточноиранским (таджикским) словом *Сайроб* («Любование водой») — отсюда и название самого селения. Не исключена вероятность, что Сайроб происходит также от выражения *Сари об* («головная вода/родник»).

После Сайроба мы двинулись дальше и спустя некоторое время оказались на границе между Сурхандарьинской и Кашкадарьинской областями Узбеки-

стана. Как выяснилось, здесь работает КПП, к которому в тот день выстроилась длинная очередь машин. Люди в форме производили паспортный контроль и досматривали багаж. После досмотра багажа вещи пропускались через турникет. Все эти процедуры занимают довольно много времени. Правда, при досмотре вещей нам — россиянам — была сделана скидка. Зато сколько времени мы простояли в очереди в жаркий июльский день! Забегая вперед, отмечу, что на границах с Кашкадарьинской и Бухарской областями менее строгие контроль и досмотр вещей путешественников.

В ГОРОД «СИЛЫ ИСЛАМА И РЕЛИГИИ»

Завершив все требуемые формальные процедуры, мы выехали в Карши, где вкусили местных блюд, и двинулись дальше. Затемно приехали в Бухару и устроились по рекомендации Рахмата в частной гостинице прямо у Лаби Хауз, в историческом центре города. Между прочим, в Бухаре, во всяком случае в ее историческом центре, приезжему также не просто найти место, где можно поесть, выручает шумное кафе «Лаби Хауз».

Рахмат дважды, в 1986 и 2005 гг., бывал в Бухаре, но для нас, остальных участников экспедиции, это был первый визит в город «силы ислама и религии». Рахмат, возложив на себя обязанности гида, провел нас по главным достопримечательностям *Бухорои Шариф* (Благородной Бухары).

Первой из них стал мемориально-культурный комплекс шейха Бахауддина Накшбанда. По словам Рахмата, по сравнению с 2005 г., посещение паломниками архитектурно-мемориального комплекса шейха стало более массовым, однако во многом утратило свое ритуальное значение, приняв скорее характер приятного времяпрепровождения. *Таваф* — совершение паломниками обходов вокруг могилы шейха запрещен. Паломники, в большей степени женщины, придают большое значение прохождению под ответвлением высохшего и упавшего на землю тутовника, опускаясь на корточки.

Изменения Рахмат обнаружил и на кладбище Чор Бакр («Четыре святителя») — здесь «упразднили» светильники (*чарогдон*) и тщательно стерли следы копоти от горения свечей. Очевидно, что возжигание поминальных свечей как наследие доисламских верований на Чор Бакре считается несовместимым с духом и принципами собственно исламской религиозной обрядности.

Конечно, в дни пребывания в Бухаре достаточное внимание было уделено знакомству с другими историко-культурными памятниками — как культовыми (Чишмай Айуб, Мавзолей Исмаила Самани, мавзолей хазрата Ходжатбарора, который считается духовным наставником имама ал-Бухари, святыня которого находится в Самаркандской области), так и гражданскими (медресе, знаменитые бухарские крытые торговые ряды (*токи*), цитадель Арк).

Из этих объектов особый интерес представляет мавзолей хазрата Ходжатбарора. Мазар перестроен практически заново. Теперь могила святого нахо-

дится под просторным айваном на высоких поддерживающих столбах. Захоронение — прямоугольной формы, на платформе. Оно напоминает могилу шейха Бахауддина. С большим сожалением Рахмат обнаружил, что при реконструкции был снесен увиденный им в 2005 г. чарогдон оригинальной конструкции, который возвышался над поверхностью довольно широкой вымощенной площадки. Сооружение, по его словам, являлось своего рода поминальным домом огня, наследием доисламских времен. Это еще один пример радикализации отношения современного мусульманского духовенства в Центральной Азии к доисламским образам и символам.

Здесь Рахмат обратил наше внимание еще на одно обстоятельство. Дело в том, что в Узбекистане уже давно при назначении священнослужителей предпочтение отдают лицам так называемой титульной нации. Так обстоит дело даже в таких преимущественно таджикоязычных городах, как Самарканд, Бухара и др. В контексте *хазрати* Ходжатбарор нам пояснили, что когда-то этот мазар ассоциировался с именем праведной женщины — Биби Зудмурод, затем был переименован мужским именем — *хазрати* Зудмурод. Его новое название в наше время — *хазрати Ходжатбарор* (святой, способствующий быстрому достижению цели).

Однако, при описанном отношении к чарогдону, колодец, находящийся на некотором удалении от мазара и являющийся частью этого комплекса, сохраняется. В Бухаре также не исчезло почтительное отношение к тутовнику, как уже говорилось, при святине шейха Бахауддина Накшбанда. Трудно представить, чтобы почтительное отношение к этому дереву было предписано исламом. К слову сказать, в самом центре «силы ислама и религии», вокруг знаменитого бассейна (Лаби Хауз), растет несколько тутовников. Они уже давно высохли, а один практически лежит на поверхности воды. Однако никому не приходит в голову мысль срубить отжившие свой век тутовники.

В связи с этими деревьями Рахмат вспомнил одну историю, услышанную им от местных жителей: до 1986 г. на вершине одного из них было гнездо аиста (*лаклак*), в котором тот из года в год откладывал яйца и высиживал своих птенцов. Потом он исчез и с тех пор более не появлялся. Люди переживали по этому поводу и расценили этот факт как плохое предзнаменование. В конце концов по прошествии нескольких лет было решено создать птице памятник и установить его на стволе, где аист прежде вил свое гнездо. Он стоит там по сей день...

ХИВА: НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ ПОГРУЖЕНИЯ В ПРЕКРАСНОЕ

Дорога между Бухарским и Хорезмским оазисами протяженностью более 400 км через однообразное царство песков пустыни Кизилкум в знойный июльский день не доставляет радости. Сейчас она перестраивается. Строят немцы — гладь бетонного покрытия без единого шва. Строят южнокорейские дорожники, правда, у них дело застопорилось: оказалось, что вместо

предусмотренного проектом цемента марки 700 они использовали марку 400, якобы присвоив, таким образом, много денег. Из-за этого узбекские власти остановили работы на объекте и подали на них в суд.

Для нашей экспедиции поездка в Хиву была первой и кратковременной — на одну ночь. Главной целью было знакомство с городской цитаделью. Руководство Музея при цитадели распорядилось об экскурсии для нас в пределах так называемой *Ичан-калы* (внутренняя крепость). Среди множества чрезвычайно интересных вещей, о которых нам удалось узнать из рассказа экскурсовода, внимание привлек мавзолей богатыря (*пахлавон*) Махмуда, замечательный памятник культовой архитектуры XIII–XIV вв. По рассказам, пахлавон был ремесленником, писал стихи и сочинения философско-мистического характера. Считается, что он принадлежал к братству (*тарикат*) накшбандия. Мавзолей представляет собой нарядное купольное сооружение. При усыпальнице имеется *корихона* — помещения для незрячих чтецов Корана, выучивших текст Священного Писания наизусть. В относительно просторном дворе, слева от дорожки, ведущей внутрь усыпальницы, расположен колодец. Паломники (либо до посещения усыпальницы, либо после) подходят к колодцу, ведром черпают из него воду и пьют ее, иные, кроме того, умывают лицо, считая это благодатью. При этом движения паломников напоминают ритуал. Вокруг цилиндра колодца растут кустики, символизирующие деревья, выросшие благодаря живительной влаге.

В крепости обращает на себя внимание и пятничная мечеть (*джума мас-джит*) — памятник архитектуры X в., перестроенный в конце XVIII в. Культурное здание привлекает внимание тем, что его свод поддерживают 213 колонн из карагача и тутовника (рис. 4).

Из впечатлений от поездки в Хиву заслуживает упоминания женский мазар *биби Мушкилкушод* на территории Эликкаланского района Хорезмской области. Миф о праведной Мушкилкушод (у таджиков это имя произносится без конечного согласного -д) повествует то же самое, что и миф, бытующий в среде ираноязычного населения Центральной Азии. Согласно ему биби Мушкилкушо(д) — тетушка шейха Бахауддина Накшбанда. День ритуального посещения — среда. Цели посещения — рождение детей, исцеление от болезней, семейное счастье и благополучие. Об этом говорят и некоторые жертвенные вещи, например денежные купюры или вышитые мягкие вещи, которые имеют форму сердца. По рассказу священнослужителя (эту обязанность выполняет мужчина), ритуал поклонения праведной совершается путем трехкратного обхода вокруг ее могилы. Раньше мазар представлял собой просто камень продолговатой формы. В 1993 г. камень был засыпан, а над ним возведено сооружение, имитирующее могилу.

К сожалению, информация о поездке в Хиву оказалась не слишком богатой. Впрочем, за несколько часов экскурсии по городу едва ли мы могли рассчитывать на большее...



Рис. 4. Пятничная мечеть. Хива. Ичан-кала. Фото автора. 2012 г.

САМАРКАНД — КРАСАВЕЦ НА ЛИКЕ ЗЕМЛИ

На языке местного — таджикского — населения это звучит так: *Самарканд сайкали руи Замин аст*. Можно себе представить, каким этот город был когда-то! Данная поговорка является первой строкой уже приведенной выше поговорки о Бухаре. Эти строки образуют двустишие, которое звучит так:

*Самарканд сайкали руи Замин аст,
Бухоро куввати ислому дин аст.*

Первым объектом, который мы посетили по приезду в Самарканд, стал *Зийоратгохи ходжа Абду Брун*. Этот культовый объект состоит из однокамерного купольного здания мечети с помещением для затворников (*чиллахона*), могилы Абди Бируна, минарета, а также камня (со сквозным отверстием) для укрепления *туга*. Святыню дополняет *хауз*. На территории зийоратгоха растут платан (его возраст достигает 733 лет), два тутовника, сада (карагач), абрикосовое дерево. Могила святого построена в 1159 г. по приказу сельджукидского султана Санджара. Могила имеет прямоугольную форму, ее размеры — 6×8 м. У южной стены айвана-навеса, ближе к могиле святого, имеется небольшая ниша для поминальных свечей. Существует предписание, по которому после чтения молитвы паломник совершает *тавоф* — трех, пяти- или семикратный обход вокруг могилы. *Тугоя* — камень со сквозным отверстием в центре —

был привезен на верблюде и установлен некой праведной женщиной из Нура-ты. За это благое дело было разрешено после смерти ее тело похоронить на территории святыни рядом с сакральным камнем. Если целью ритуального посещения зийоратгоха является исцеление ребенка от болезни, то в отверстие наливают воду, которая, стекая по его стенкам, собирается в сосуде, установленном с противоположной стороны камня. Эту воду приносят домой, купают в ней больного ребенка. К этой практике прибегают женщины. Как видно, ходжа Абди Берун сочетает в себе элементы как «языческого» (доисламского), так и мусульманского места паломничества и поклонения, то есть является мужским и женским мазаром одновременно.

Предание об эпониме зийоратгоха гласит, что ходжа Абди Бирун — отец святого Абди Бируна (о нем — далее). Абди Бирун — проповедник ислама из Аравии. Он приехал в Самарканд в VIII в. вместе с Куссамом ибн Аббасом, с именем которого связан комплекс *Шохи Зинда* (об этом — ниже), и Мухаммадом Саидом ибн Усманом — арабским полководцем. В Самарканде ходжа Абди Бирун правил должность судьи. После его смерти ему наследовал сын — ходжа Абду Дарун. Странно, что из трех слов, из которых состоят титул (ходжа), имя (Абду/Абди) и определения (*бирун* и *дарун*), арабским является лишь ‘абд. («слуга/ раб»), остальные два — восточноиранские (таджикские). Слова *бирун* (со значениями «вне, вовне») и *дарун* (соответственно «внутри, внутрь») как определения к именам святых настоятель святыни ходжи Абди Бируна объяснил следующим образом: Абди Бирун был козикалоном вне городской стены старого Самарканда, поэтому он прославился как ходжа-слуга (служащий) за пределами, в то время как его сын (ходжа Абду Дарун) был козикалоном внутри городской стены (отсюда и значение выражение *абди бирун* в смысле «ходжа-слуга — в пределах стены»). Настоятель зийаратгоха подчеркивал, что в вопросе о святом Абди Бируне он придерживается традиционных книжных версий. Что касается устных преданий, то все они так или иначе связаны с созревшими плодами абрикосового дерева. Святой Абди Бирун-де посылал (вовне) часть плодов к дастархану царских особ, а ходжа Абду Дарун отказывался это делать, оставляя плоды себе, своим домочадцам, родственникам и слугам. В данном контексте более вероятным представляется толкование слов *бирун* и *дарун* в иноказательном смысле, близком к понятиям *шариат* и *тарикат* в суфийской терминологии. Получается, что Абди Бирун следовал по пути шариата, то есть его внутреннее око было обращено вовне, на социум, а у Абду Даруна, наоборот, оно было обращено внутрь, то есть в поисках Бога он был замкнут на самого себя. Отсюда можно строить предположение, что в вопросе о познании Бога отец и сын придерживались противоположных взглядов.

Особый интерес в Самарканде вызывает знаменитый комплекс Ахрара Ходжи. Комплекс знаменитого суфия состоит из медресе Нодира Девонбеги (памятник архитектуры XVII в.), мечети с чиллахоной и ханака в прекрасном

парке с преобладающими платановыми деревьями. Порталы мечети и ханаки обращены к бассейну с прозрачной водой. Источник этой воды — видимо, замурованный ныне колодец. Вокруг водоема растут громадные платаны. Могила святого и его родственников находится на некотором удалении от мечети. У захоронения в тени деревьев установлены скамейки. Они служат местом для чтения молитвы. Нарядные культовые здания, обращенные к бассейну, и парк, в котором платаны выделяются своим величием, придают территории ансамбля вид ритуального места, а также служат местом для совершения прогулок и отдыха. На это указывает и многочисленность посетителей. Создается такое впечатление, что некоторые элементы ритуалов паломничества уже основательно забыты. Это было видно по тому, что довольно большая группа паломников прочитала молитву у могилы суфия, но таваф вокруг нее совершила в половину круга при наличии свободного прохода вокруг захоронения.

Следующим пунктом в нашей программе было посещение архитектурно-мемориального комплекса Шохи Зинда, знаменитого, кроме всего прочего, своими колодцами.

По рассказам паломников и священнослужителей, это очень древний колодец (*чох/кудук*). Он был отремонтирован в 1812 г. Кудук, на половину диаметра цилиндра выходящий из стены, расположен в небольшом дворике, состоящем из девяти помещений медресе. Во дворе растут три дерева — тутовое и два местного сорта грушевых, называемых *мурут*. По сообщению научного сотрудника ансамбля Шохи Зинда Хамрокула Айубова (1958 г.р.), при Шохи Зинде были еще два колодца. Один — под чиллахона при зийаратгохе — центральном объекте, представляющем собой могилу Куссама б. Аббаса, якобы убитого огнепоклонниками (*оташнараст*). Этот колодец ныне замурован. Третий чох находился за пределами мавзолея шейха Дейлами, он тоже не сохранился. В дневное время свет в чиллахону попадал через отверстие в куполе усыпальницы. По нему медитирующий высчитывал время молитвы.

В этот же день после Шохи Зинда мы отправились в находящуюся сравнительно недалеко усыпальницу святого Данийара (библ. Даниил). Нам уже приходилось бывать здесь в прежние наши поездки, теперь же было интересно посмотреть, какие изменения произошли в облике святыни после нашего последнего посещения. Они бросаются в глаза сразу. Во-первых, значительно возросло число паломников (наверное, поэтому зийарат стал платным). Во-вторых, на вход в соседствующую с гробницей пещеру, которая служила чиллахонной, установили двери и повесили замок. В-третьих, была заделана ниша, служившая чарогдоном. Он был устроен в стене мавзолея, в его северо-восточном углу с внешней стороны (судя по копоту в небольшом углублении в естественной стене, слева от входа в названную пещеру, оно заменяет прежний чарогдон). В-четвертых, не видно, чтобы к веткам миндаля привязывались лоскутки материй; само дерево значительно выросло. Одно из его ответвлений

высохло и легло на землю. Как и на комплексе шейха Бахауддина в Бухаре, паломники, в основном женщины, совершают проход под этим ответвлением, в том месте, где это возможно, опускаясь на корточки. Сохранилась традиция почитания родниковой воды, существует особый ритуал ее питья, многие берут ее в бутылках домой.

Собственно зийарат, то есть ритуальный характер посещения мазара, ощущается, когда паломники находятся внутри мавзолея. Здесь мулла читает молитву, после чего паломники совершают таваф вокруг 18-метровой могилы святого. Что касается прохождения под высохшим и упавшим на землю ответвлением сакрального миндаля, то оно носит скорее развлекательный характер. Прогулка по территории дополняет досуг посетителей.

В Самарканде исчезновение чарогдонов при культовых зданиях, как в Бухаре, носит повсеместный характер¹, главным образом из-за их интерпретации мусульманским духовенством как наследия религиозно-мировоззренческих представлений доисламских иранцев. Замуровываются также колодцы. В одном случае они закрываются полностью (в некоторых местах колодезная вода используется для полива, например в Кашкадарьинской области), вода забирается на поверхность и подается в раковины, установленные в ряд (шейх Бахауддин Накшбанд в Бухаре), что позволяет паломникам использовать святую воду для ритуального мытья лица и питья. С санитарно-гигиенической точки зрения это, наверное, правильно. Но когда колодец закрывается навсегда, то кажется, что это противоречит духу господствующей религии. Ислам почитает воду как источник очищения. Примером тому могут служить святой источник в Мекке, культ родников и водоемов в странах мусульманского мира. С колодцами связано много легенд и преданий. Интересна, например, легенда о колодце под зийаратгохом при Шохи Зинде: считается, что там, в глубине колодца, пребывают вечно живые пророки — Хизр, Илийос и эпоним самого Шохи Зинды — Куссам б. Аббас. Если этот колодец действительно закрыт, как нам рассказали, то этот акт имеет своей целью ограничение не только символов доисламских верований, но и представлений, отраженных в мусульманской мифологии.

Не до конца взвешена также радикализация отношения современного мусульманского духовенства в Самарканде к дереву. Очевидно, что практика почитания деревьев ведет свое происхождение от целого комплекса древних доисламских верований. Но такое отношение вошло в кровь и плоть исламской

¹ По нашим наблюдениям, специально сконструированный чарогдон продолжает существовать на айване у могилы святого Абди Бируна. Как отмечалось выше, этот мазар охраняет некоторые другие объекты доисламских культов. Ср., к примеру, камень для укрепления туга. Наверное, это связано с тем, что *ходжа Абди Бирун* находится в сельской части Самарканда.

обрядности. В исламе наряду с негативным образом — дерево *заккум* — существует и его положительный образ.

Когда в любой сфере жизни, в частности в области религиозной политики, нет последовательности, что наблюдается в Узбекистане, таджики говорят: *Як бом уду хаво* («Две погоды/климата на крыше одного и того же дома»). В религиозной жизни Узбекистана сложилась именно такая ситуация.

Отношение к чарогдонам, равно как и почитание колодцев и деревьев, — принципиально важный вопрос. Дело в том, что сооружения для поминальных огней или устройства ниш для поминальных свечей, как и почитание родников и деревьев, характеризуют специфику женского паломничества и поклонения святым объектам, в то время как ритуальное посещение могил и мавзолеев святых и праведников ислама отражает особенность в основном мужской религиозности. Такая особенность паломнической практики народов Центральной Азии придает мусульманским культовым местам некую двойственность, которая находит свое выражение в том, что в большинстве случаев мазары сочетают в себе самостоятельные элементы как мужского, так и женского объектов культа. Приведет ли ограничение объектов доисламских культов при мазарах мусульманских святых к сокращению посещаемости их женщинами, потеряют ли святые места в результате принимаемых мер ритуальную составляющую в пользу усиления выполнения ими рекреационной функции — покажет время.

Библиография

- Мкртычев Т.* Буддизм в Термезе // 2500 лет Термезу. Ташкент, 2001.
Ртвеладзе Э. Термез и его значение в истории Средней Азии // Термез. Ташкент, 2001.
Термез. Ташкент, 2001.